

ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆ/CRIMINAL PROCEDURE/УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<https://doi.org/10.59546/18290744-2024.1-3-104>

ОВАНЕС БАЯНДУРЯН

*член палаты адвокатов РА,
аспирант кафедры уголовного права и уголовнопроцессуального
права Института права и политики РАУ*

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԲԱՅԱՆԴՈՒՐՅԱՆ

*ՀՀ փաստաբանների պալատի անդամ,
ՀՈՀ իրավունքի և քաղաքականության ինստիտուտի քրեական իրավունքի
և քրեական դատավարության իրավունքի ամբիոնի ասպիրանտ*

HOVHANNES BAYANDURYAN

*Member of the Chamber of Advocates of the RA,
PhD Student at the Chair of Criminal Law and Criminal Procedure
Law of the RAU Institute of Law and Politics*

**ПРАВО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՆՁԻ ԼՈՒԵԼՈՒ ԻՐԱՎՈՒՆՔԸ. ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ
ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ**

**THE RIGHT OF A LEGAL ENTITY TO REMAIN SILENCE: COMPARATIVE
LEGAL ANALYSIS**

Введение

Появление понятия «право обвиняемого хранить молчание, право на защиту самообвинения» проще всего объясняется историческим развитием судопроизводства. Обвиняемый получил это право как ответную реакцию на злоупотребления, имевшие место, когда процедура судебного разбирательства носила явно инквизиционный характер.

Что касается исторического развития, то можно утверждать, что запрет на самообвинение защищает от повторного введения пыток и других форм государственного насилия. Без запрета на самообвинение обвиняемый сталкивается с дилеммой: он может либо оговорить себя, либо, в случае отказа сотрудничать должен быть подвергнут принудительным мерам, что ставит обвиняемого в положение, когда он не может принять решение. Принуждение к самооговору также нарушало свободу воли обвиняемого, что могло быть унижительным и унижающим человеческое достоинство. Компульсивное самообвинение также противоречит

природному инстинкту самосохранения.¹

Европейская конвенция о правах человека напрямую не содержит положения о праве хранить молчание. Тем не менее, Европейский суд по правам человека постановил, что «не может быть никаких сомнений в том, что право хранить молчание во время допроса в полиции и право не свидетельствовать против самого себя являются общепризнанными международными стандартами, которые лежат в основе понятия справедливого судопроизводства».² Смысл *inter alia* заключается в защите обвиняемого от злонамеренного принуждения со стороны властей, что помогает избежать судебных ошибок и добиться целей, поставленных в статье 6 ЕКПЧ (право на справедливое судебное разбирательство) .

Основное исследование

При рассмотрении вопроса о пределах свидетельского иммунитета юридического лица следует отметить, что вопрос остается открытым и по сей день в законодательстве многих стран, что обусловлено, помимо прочего, тем, что антикоррупционные конвенции, являющиеся основой для внедрения института уголовной ответственности юридических лиц, не содержат положения об использовании права на молчание юридическим лицом, в них в целом отсутствуют положения урегулирования вопросов уголовно-процессуального характера. Тот факт, что физические лица имеют право хранить молчание, не означает, что это автоматически распространяется и на юридические лица: не все статьи Европейской конвенции наделяют юридические лица такими правами. Суд придерживается практических принципов в этом вопросе и по каждому отдельному положению оценивает возможность передачи прав корпорациям.³

В силу неопределенности поставленного вопроса о праве юридического лица хранить молчание или о праве на защиту самообвинения в зарубежном правовом пространстве наблюдается дифференцированная практика.

Правоприменительная практика судов ФРГ. Рассуждение вопроса о пределах использования права на молчание (*nemo tenetur*) в немецкой правоприменительной практике остается открытым и по сей день.

В Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ нет специального положения в пользу или против права юридического лица хранить молчание. Специального национального прецедентного

¹ В настоящее время часть процессуалистов считает, что этот исторический аргумент больше не имеет значения, поскольку обвиняемый в настоящее время защищен правами человека, особенно статьей 6 ЕКПЧ – «право на справедливое судебное разбирательство». Критики считают, что баланс между обвиняемыми и органами уголовного розыска изменился в пользу обвиняемых, и это за счет повышения эффективности уголовных расследований. Критики считают, что для восстановления эффективности уголовных расследований обвиняемый должен быть лишен права хранить молчание, кроме того, они обосновывают свою точку и тем, что технические и научные разработки привели к тому, что возможности органов уголовного розыска по сбору технических доказательств теперь стали больше и эффективнее, чем когда-либо. Органы уголовного розыска теперь имеют, например, доступ к криминалистическим технологиям, большим базам данных, ДНК, технологиям электронного наблюдения и т.д.

² ЕСПЧ, «Джон Мюррей (John Murray) против Соединенного Королевства», жалоба № 18731/91, решение от 8 февраля 1996 г., п. 45, на сайте <http://hudoc.echr.coe.int> , Быков против Российской Федерации: решение ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. //URL: <https://docs.cntd.ru/document/902169805> , Бюллетень Европейского суда по правам человека. –2009. – С. 109–146.

³ Van den Muijsenbergh W./Rezai S. (2012), Corporations and the European Convention on Human Rights, *Global Business & Development Law Journal*, т. 25, стр. 48. – <http://digitalcommons.mcgeorge.edu> (на англ. языке, дата посещения 1 мая 2023 г.).

права не существует. В области антимонопольного административного производства законодательная власть, по-видимому, признает право юридического лица хранить молчание, если существует риск самообвинения в административном производстве. Еще в 1975 г. Федеральный Конституционный суд Германии (нем. Bundesverfassungsgericht, сокращённо BVerfG) предоставил юридическому лицу право отказаться от дачи показаний по делу об административном правонарушении, но только в рамках решения о несогласии и *obiter dictum*, которое могло быть реализовано их уполномоченным представительным органом.⁴ Однако в этом решении отсутствует какое-либо обоснование такого юридического заключения и какого-либо обсуждения прецедентного права или обращения к литературе. Между тем, следует констатировать, что Конституционный суд признает право юридического лица воспользоваться свидетельским иммунитетом.

В рамках уголовного производства немецкая правоприменительная практика пошла по пути закрепления сугубо личностного характера данного института. В 1997 г. первый сенат Федерального Конституционного суда еще раз рассмотрел вопрос о свободе выражения мнений юридического лица и в целом отклонил конституционное право на молчание в свою пользу, принимая во внимание также опасения свидетельствования против самого себя в случае риска санкций. Как подчеркнул Конституционный суд Германии: «Защита от самообвинения служит интересам человеческого достоинства. Обязательство давать самообличающие показания поставило бы человека перед невыносимой личной дилеммой. Юридические лица не будут сталкиваться с подобной дилеммой».⁵ В деле, принятом в этом суде, компетентный государственный орган по средствам массовой информации потребовал от частного вещателя предоставить записи трансляции запрещенной демонстрации под угрозой штрафов. Соответствующий закон штата о СМИ предусматривал обязательство по предоставлению информации.⁶

Однако следует отметить, что сужение института *nemo tenetur* и своеобразное ограничение права на молчание подвергалось критике со стороны правоведов на доктринальном уровне, в частности, по следующим причинам:

1. Решение Федерального Конституционного суда BvR 2172/96 от 26 февраля 1997 г. должно было оценить как возможное, неcodифицированное право хранить молчание только в случае специальной, установленной законом обязанности предоставлять информацию в соответствии с Законом о государственных средствах массовой информации. Решение не имеет обязательной силы в соответствии со статьей 31 BVerfG⁷. Оно ограничивается предметом спора, на котором основано решение, и ограничивается законодательным положением, представленным на рассмотрение⁸;

⁴ Конституционный суд ФРГ, решение № 2 BvR 820/74 от 26 февраля 1975 г., на сайте <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=05.11.1975&Aktenzeichen=2%20BvR%20193/74> (на нем. языке).

⁵ Конституционный суд ФРГ, решение №1 BvR 2172/96 от 26 февраля 1997 г., на сайте www.servat.unibe.ch (на нем. языке).

⁶ Конституционный суд ФРГ, решение № 95, 220, 241f., на сайте <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv095220.html> (на нем. языке).

⁷ Постановление федерального налогового суда Германии (Bundesfinanzhof) от 11 августа 1999 г. XI R 77/99, BStBl. – <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BFH&Datum=11.08.1999&Aktenzeichen=XI%20R%2077/97>

⁸ *Zeitschrift für Wirtschafts- und Steuerstrafrecht (wistra)* 2003, Seite 121: «Das Schweigerecht der juristischen Person als Nebenbeteiligte im Strafverfahren». URL: <https://www.miN°ggio.de/miN°ggio-aufsatz-schweigerecht-juristische-person-nebenbeteiligte/>.

2. Конституционный суд придерживается принципиально разных концепций по одной и той же правовой проблеме. Конституционный суд по существу основывается на принципе *nemo tenetur*, основанном на защите человеческого достоинства, как основе права. Иными словами, Конституционный суд ФРГ в своих решениях рассматривает *nemo tenetur* на уровне верховенства закона и, очевидно, что такая имплементация не предназначена для предоставления исключения для юридических лиц.⁹ На этом основании нужно принять во внимание, что не следует недооценивать значение принципа *nemo tenetur* как процессуальной гарантии, существенных правовых корней принципа *nemo tenetur* и его конституционных ссылок, даже если отдельные гарантийные содержания принципа *nemo tenetur*, частично признанные в Германии, могут быть процессуально не обоснованы.

Более того, границы человеческого достоинства и верховенство закона не должны противоречить друг другу. Скорее наоборот, чем больше затрагиваются основные идеи справедливости, тем больше человеческое достоинство и верховенство закона пересекаются и приводят к одной и той же цели (укрепление прав личности и идентификация государства как правового)¹⁰;

3. Федеральный Конституционный суд BvR (решение № 2172/96 от 26 февраля 1997 г.) скорее всего рассматривал юридическое лицо в качестве «простого второстепенного участника» уголовных производств против физических лиц, в которых юридическое лицо могло использоваться в качестве иждивенца и для простого извлечения выгоды. Немецкое уголовное законодательство тогда рассматривало в качестве субъекта уголовной ответственности только физические лица. Однако, считаем, что если речь идет о наказуемом субъекте права, то на него распространяются все процессуальные гарантии. В таких случаях имеем дело с карательными мерами и отдельным производством, в рамках которого достигается цель: наказание субъекта и восстановление социальной справедливости. Принципы *nemo tenetur* имеют весьма глубокие исторические корни и для уголовно-правовых гарантий весьма характерно, что эти принципы исторически сложились в борьбе за гуманное уголовное право и справедливый уголовный процесс.

4. Федеральный Конституционный суд отрицает применимость принципа *nemo tenetur* для юридических лиц, ссылаясь на человеческое достоинство. Здесь, если даже оспаривать тот факт, что разработка принципа *nemo tenetur* связана с человеческим достоинством и даже признать принцип *nemo tenetur* конституционным принципом, используя призму человеческого достоинства, то способ, которым эти ссылки делаются в контексте вопроса о человеческом достоинстве, вызывает серьезную озабоченность, что проявляются в

⁹ Конституционный суд Германии (BVerfG), решение от 25 августа 2014 г., BVR 2048/13, Rdn.13: Принцип свободы от самообвинения закреплен в верховенстве закона и имеет конституционный статус (см. BVerfGE 38, 105 <113 f.>.); BVerfGE 38, 105, 113: «[...] конституционный принцип, согласно которому никто не может быть принужден к даче показаний против самого себя»: BVerfG, решение 02.02.2002, BVR 1249/01, NJW 2002, 1411, 1412: «[...] несовместимо с человеческим достоинством, если он [...]. В результате этого принципа верховенства права [...]»; BVerfG, решение от 27 апреля 2010 г., 2 BvL 13/07, Wistra 2010, 341, 341, Rdn.2: «[...] является одним из признанных принципов конституционного уголовного процесса».

¹⁰ См. Reiß, Besteuerverfahren und Strafverfahren, 1987, стр..... рус..... 166 f., который рассматривает нарушение элементарных принципов верховенства права как нарушение основных прав и принципа верховенства права и говорит о «учете со стороны государства и со стороны человек»; Maunz/Dürig, статья 20 I, Rdn. 14, 16, 18, который особо указывает на двойную и равную основу принципа. То же самое должно относиться и к запрету на произвол. Справедливость этих гарантий для юридических лиц справедливо не подвергается сомнению. Schmidt-Aßmann, Maunz/Dürig, Основной закон, том 6, статья 103 II (1992), Rdn 166: «Пересечение двух гарантийных линий».

том, что другие уголовно-процессуальные гарантии, такие как принцип вины, презумпция невиновности, права на справедливое судебное разбирательство, также имеют или др. ссылки на человеческое достоинство, но их применение в отношении юридических лиц не имеет столь жестких границ. Без принципа *nemo tenetur* обвиняемый был бы лишен своей процессуальной коммуникативной автономии. Принцип *nemo tenetur* разрешает этот конфликт ролей в пользу позиции субъекта в судебном процессе и закрепляет распределение бремени доказывания против дезавуирования: государство не может доказывать вину, заставляя обвиняемого свидетельствовать против самого себя.

5. Решение Федерального Конституционного суда BvR 2172/96 от 26 февраля 1997 г. основывается на классификаций принципа *nemo tenetur* как материального основного права с прочными ссылками на защиту человеческого достоинства. Вопрос о действительности принципа *nemo tenetur* для юридических лиц зависит от того, рассматривается ли он как материальное основное право или как процессуальная гарантия. Если говорим о принципе как процессуальном гаранте, то его действительность не подлежит сомнению.

Защитная цель запрета на самообвинение может заключаться в обеспечении справедливого судебного разбирательства в более широком смысле. Этот принцип направлен на ограничение полномочий государства в уголовном судопроизводстве и обеспечение справедливого баланса между обвинением и защитой.

Взгляды Европейских судов. В отличие от вышеупомянутого юридического заключения Федерального Конституционного суда ФРГ, Европейский суд (Суд Европейского союза) в так называемом решении *Orkem* предоставляет юридическому лицу частичное право хранить молчание, если существует риск самообвинения.¹¹

В рамках предварительного расследования по делу о нарушении пункта 1 статьи 85 Договора о ЕЭС Комиссия ЕС под угрозой штрафов запросила информацию у причастного коммерческого предприятия. Заинтересованная компания подала жалобу, аргументируя это тем, что Комиссия вынудила компанию дать показания против себя. Европейский суд заявил, что государства-члены союза предоставляют только физическим лицам право отказаться от дачи «свидетельских показаний против самого себя». С другой стороны, в законодательстве всех государств-членов отсутствует общий принцип, в соответствии с которым юридические лица, как правило, вправе отказаться давать показания против самих себя. Однако компании также могут легко сослаться на статью 6 Европейской конвенции по правам человека.¹²

Конкретно это означает, что Европейская комиссия может обязать отдельные компании в рамках предварительного расследования предоставить информацию, даже если эта информация или документы могут иметь негативный характер для компании. В постановлении Европейского суда, изданном лишь немногим ранее¹³, право на защиту получило принципиальный характер не только в административном производстве с риском применения санкций, но и в производстве предварительного следствия, причем прямо как в пользу физического, так и юридического лица. Европейский суд говорит о необходимости признания прав на защиту пострадавших компаний. Защита юридического лица ставится на тот же уровень, что

¹¹ Решение Европейского суда от 18 октября 1989 г. (*Orkem v Commission of the European Communities*), Дело 374/87 [1989] ECR 3343, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61987CJ0374>.

¹² Параграф 30 (см. предыдущую сноску).

¹³ Judgment of the Court of 21 September 1989. *Hoechst AG v Commission of the European Communities*. Joined cases 46/87 and 227/88.

и защита физического лица.

Таким образом, после решения по делу *Orkem* Европейский суд признал частичное право юридических лиц хранить молчание, поскольку правдивые ответы на запросы о предоставлении информации о внутренних фактах (процесс принятия решений их органами) привели бы к самооговору.

Европейский суд общей юрисдикции (ЕГС) также подтвердил частичное право компаний хранить молчание в картельных разбирательствах.¹⁴ Даже когда запросы на получение информации являются законными, Комиссия должна уважать право компании на защиту и не должна обязывать ее давать ответы, которые привели бы к самопризнанию правонарушения. Основные права ЕСПЧ относятся к общим правовым принципам, соблюдение которых судья Сообщества должен обеспечить.¹⁵ В то же время Суд постановил, что признание абсолютного и всеобъемлющего права на отказ в предоставлении информации привело бы к неоправданным препятствиям для Комиссии в выполнении задачи, возложенной на нее Договором о ЕС, и поэтому должно быть отвергнуто. Предъявление вопросов к компаниям, которые заставили бы их признать свое участие в незаконном соглашении, противоречит правилам конкуренции Сообщества.¹⁶

Таким образом, Европейская комиссия, со своей стороны, прямо признает принципы частичного права на молчание для юридического лица, выработанные в решении Европейского суда по делу *Orkem*, тем самым установив более широкие права на защиту для компаний.

Правоприменительная практика Европейского Суда по правам человека. Юридические заключения Европейской комиссии по правам человека и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) идут гораздо дальше. И Комиссия по правам человека, и ЕСПЧ изначально применяют гарантии, вытекающие из статьи 6 ЕКПЧ, в двух постановлениях и предыдущих окончательных отчетах Комиссии (дела *Функе* и *Бенденун*)¹⁷, которые были выпущены только после вышеупомянутого решения Европейского суда по делу *Orkem*. В деле *Функе* французские национальные власти первоначально наложили штрафные санкции на заявителя за отказ представить документы.

ЕСПЧ возразил против этих санкций как недопустимых и в своем решении подтвердил нарушение статьи 6 ЕКПЧ. Он закрепил право хранить молчание непосредственно из этого положения.¹⁸ Решение по делу *Функе* стало первым из решений Европейского суда, в котором

¹⁴ Европейский суд общей юрисдикции (ЕГС), решение от 14.05.1998 – T.347/94. *Mayr-Melnhof / Kommission*, см. также: Европейский суд общей юрисдикции (ЕГС), постановление от 20.04.1999 (*Limburgse Vinyl Maatschappij NV*): на сайте www.curia.eu.int/jurisp.

¹⁵ Решение Европейского суда общей юрисдикции (ЕГС), постановление от 20.04.1999 (*Limburgse Vinyl Maatschappij NV*), параграф 449 (см. предыдущую сноску), со ссылкой на решение Европейского суда по делу *Оркем* против Комиссии ЕС.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ *Бенденун против Франции (Bendenun v. France)*: Постановление Европейского суда по правам человека от 24 февраля 1994 года (жалоба N 12547/86), URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/bandenun-protiv-francii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>.

Функе против Франции (Funke v. France): Постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1993 года (жалоба N 10828/84), URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/funke-protiv-francii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>.

¹⁸ Суд считает, что таможенные службы спровоцировали предъявление обвинения г-ну *Функе* с целью получения некоторых документов, о существовании которых они имели предположение, но не были полностью уверены. Не имея возможности или не желая получить их иным способом, они попытались заставить заявителя предоставить доказательства собственного нарушения. Особенности таможенного права (см. п. 30-31) не могут служить оправ-

было установлено право хранить молчание. В другом своем недавнем решении Европейский суд по правам человека прямо закрепляет право хранить молчание и право не способствовать собственному обвинению, как основной принцип справедливого судебного разбирательства, гарантируемый статьей 6 ЕКПЧ.¹⁹ Следует отметить, что как Комиссия по правам человека, так и Европейский суд по правам человека признают право на отказ в предоставлении информации, которое непосредственно устанавливается в статье 6 ЕКПЧ, и которое также может превалировать над установленными законом обязательствами по предоставлению информации, если существует риск самообвинения. Кроме того, в деле Функе Европейский суд по правам человека ликвидирует пробел в толковании статьи 6 ЕКПЧ, обнаруженный Европейским судом в предыдущем решении *Orkem*, и прямо указывает, что право хранить молчание непосредственно следует из этого положения. Как Европейский суд, так и ЕСПЧ применяют гарантии в отношении юридических лиц, содержащиеся в статье 6 ЕКПЧ, которая, по мнению ЕСПЧ, также включает право хранить молчание в ходе уголовного и аналогичного разбирательства в суде и на предварительном следствии.

Суд также не счел необходимым, с учетом вышеприведенной оценки использования опросов в ходе судебного процесса, выносить решение о том, носит ли право не давать показаний против самого себя абсолютный характер либо отступления от него могут в особых обстоятельствах быть оправданы.

По делу Саундерс против Соединенного Королевства ЕСПЧ также постановил: *«Не приемлемы доводы Правительства, что сложность обманов и обходов закона в корпоративном бизнесе и насущный общественный интерес в расследовании таких преступлений и наказаний виновных, могут оправдать столь явный отход в деле от одного из основополагающих принципов справедливого судебного разбирательства, что и случилось в данном деле. Как и Комиссия, он считает, что общие требования справедливости, содержащиеся в статье 6, включая право не давать показания против самого себя, применяются в уголовном процессе в отношении всех уголовно-наказуемых деяний, без какого-либо различия между самыми простыми и самыми сложными. Нельзя ссылаться на общественный интерес в оправдание использования ответов, добытых принудительным путем в ходе внесудебного расследования, для того, чтобы изобличить обвиняемого в ходе судебного разбирательства. Примечательно в этом отношении, что, согласно соответствующему законодательству, показания, полученные принудительно в силу полномочий, которыми наделен по борьбе с корпоративными правонарушениями, по общему правилу не могут быть использованы затем в судебном процессе и не потому, что эти показания были даны заявителем до предъявления ему обвинения».*²⁰

И так можно констатировать, что поскольку право хранить молчание и запрет на самообвинение вытекают из статьи 6 Европейской Конвенции, юридические лица также подпадают под действие права хранить молчание, поскольку они подпадают под действие статьи 6 Европейской Конвенции. Право хранить молчание возникает, когда выполняется автономное

данием нарушения права любого «обвиняемого» (по смыслу статьи 6) хранить молчание или не давать показаний в подтверждение своей вины. Следовательно, имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенция.

¹⁹ J.V. против Швейцарии (жалоба № 31827/96)..... Постановление Европейского С.....уда по правам человека от 03.05.2001 г.: Суд отметил, что «право хранить молчание и привилегия не давать самообвиняющих показаний являются общепризнанными международными стандартами и лежат в основе понятия справедливого судебного разбирательства, закреплённого пунктом 1 статьи 6 », URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-5202>.

²⁰ Саундерс против Соединенного Королевства (*Saunders v. the United Kingdom*): Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 года (жалоба N 19187/91).

необходимое «обвинение» по смыслу статьи Конвенции. Автономная концепция уголовных обвинений в статье 6 охватывает не только то, что классифицируется как уголовные обвинения в национальном законодательстве, но и широкий спектр других вещей, которые в некоторых правовых системах относятся к дисциплинарным и административным. Европейский суд указал, что он предпочитает «существенную», а не «формальную» концепцию «обвинения», предусмотренного пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

При этом для автономного толкования понятия «обвинение» ЕСПЧ устанавливает критерии этого понятия. По делу *Энгель и другие против Нидерландов (Engel and Others v. The Netherlands)*²¹ ЕСПЧ устанавливает три критерия автономного толкования обвинения: 1. Классификация деяния в национальном законодательстве; 2. Характер правонарушения; 3. Характер и суровость наказания (природа и суровость наказания, карательный характер наказания). По другому делу Суд установил, что финансовые санкции, как правило, делают применимой статью 6, фискальные санкции носят карательный характер, например, штрафы, и такие носят уголовный характер²². По делу *Paykar yev haghtanak LTD v. Armenia* Суд установил, что суровость наказания обосновывается даже в том случае, когда наложенный штраф был равен 10 процентам налогового обязательства.²³²⁴ Аналогичное решение было принято по делу «J.B. против Швейцарии» (*J.B. v. Switzerland*) (жалоба № 31827/96, ECHR 2001-III).

Вопрос о том, включает ли право хранить молчание также право не разглашать документы, является особым аспектом этого института, и по нему мнения расходятся.

В отличие от дела *Funke v. France*, по делу *Саундерс против Великобритании* ЕСПЧ установил, что привилегия от самообвинения не ставит под угрозу право отказаться от передачи компрометирующих документов или от использования документов, полученных в принудительном порядке, в уголовном судопроизводстве. ЕСПЧ заявляет, что всеобщий интерес в установлении истины и привлечении виновных к судебной ответственности должен превалировать над защищающей от самообвинения привилегией, устанавливая аналогию с тем, что подозреваемых можно заставить сотрудничать, снимать у них отпечатки пальцев, брать у них кровь на анализ для установления содержания в ней алкоголя, брать кусочки кожного покрова для проведения анализа ДНК, или требовать подуть в пробирку, чтобы установить, не управляют ли они транспортом в состоянии опьянения.

В основе такого рассуждения в пользу ограничительной доктрины по делу *Сандерса* судья Мартинес ссылается на одно из решений Верховного суда США:

«Мы отмечаем далее, что признание привилегии, предоставляемой пятой поправкой,

²¹ *Энгель и другие против Нидерландов (Engel and Others v. the Netherlands)*: Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июня 1976 года (жалоба N 5100/71), URL: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/engel-i-drugie-protiv-niderlandov-posta-n-vlenie-evropejskogo-suda/>.

²² *Банденун против Франции (Bendenun v. France)*: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1994 года (жалоба N 12547/86), URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57863>.

²³ *CASE OF PAYKAR YEV HAGHTANAK LTD v. ARMENIA* (Application №. 21638/03): URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-118554>.

²⁴ При применении второго критерия ЕСПЧ пришел к выводу, что цель всех соответствующих положений состоит не в том, чтобы компенсировать государству затраты или ущерб, возможные в результате действий налогоплательщика, а в том, чтобы оказать давление на налогоплательщиков с целью выполнения своих юридических обязательств, а в случае нарушения этих обязательств наказать. Одного этого вывода было достаточно (разумеется, с учетом вывода по третьему критерию, приведенному выше), чтобы наложенные административные взыскания можно было рассматривать как уголовные обвинения, возбужденные в рамках автономного толкования этого термина.

в интересах хранителя деловых бумаг юридических лиц оказало бы отрицательное воздействие на усилия правительства привлечь к судебной ответственности представителей «беловоротничковой преступности», которая представляет собой одну из самых серьезных проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы. Большая часть доказательство неправомерной деятельности со стороны организации или ее представителей обычно обнаруживается в официальных бумагах и документах этой организации. Если на все эти безличные бумаги и документы будет наброшен покров данной привилегии, то обеспечить эффективное соблюдение многих федеральных законов и законов штатов станет невозможно». (...) «Если должное лицо сможет сослаться на привилегию, то государственные органы окажутся в безвыходном положении не только в своих усилиях обеспечить соблюдение законодательства по отношению к физическим лицам, но и в судебном преследовании организаций» (*Braswell v. US 487 US 99*).

Между тем, ЕСПЧ проводит разграничение между материалами, которые «обладают независимой от воли подозреваемого формой существования», и запретом на использование материалов, которые были получены «вопреки его воле». Суд считает, что если орган власти не знает с уверенностью, существует документ или нет, он не должен заставить обвиняемого передать документ, т.к. в этом случае это противоречило бы запрету на самообвинение. Если, с другой стороны, орган власти уже знает о существовании документа, он может заставить обвиняемого передать документ, не противореча при этом статье 6. Этот документ существует независимо от воли подсудимого и что, следовательно, согласно статье 6, обвиняемый должен передать документ, если государство требует его .

С одной стороны, такое рассуждение ЕСПЧ можно критиковать, рассмотрев его как право на защиту от самообвинения, с другой стороны, если рассмотреть такое рассуждение с точки зрения права на молчание, как одной из целей института, а именно как реакцию на имевшее место злоупотребление со стороны властного органа уголовного преследования, то его можно принять . Более того, право защиты от самообвинения (право не предоставлять доказательства против самого себя) обладает более широким иммунитетом, и включает в себя право на молчание (проще говоря, право не отвечать на вопросы), и носит более абсолютный характер.

Между тем следует отметить, что в более поздних решениях *J v. Швейцария*²⁵, *Chambaz v. Швейцария*²⁶ ЕСПЧ усмотрел принудительную передачу существующих документов как нарушение права на молчание.

Исходя из изложенного выше, можно прийти к выводу, что принцип *nemo tenetur* всегда должен соблюдаться, если процедура должна быть квалифицирована как уголовное обвинение согласно прецедентному праву ЕСПЧ. Это может иметь место как в основных уголовных производствах, так и в дополнительных или административных процессах. В прецедентном праве ЕСПЧ нет пробела, который оправдывал бы исключения, сделанные Федеральным Конституционным судом ФРГ.

Заключение

Запрет на самообвинение посредством реализации права на молчание направлен не только на защиту человеческого достоинства. Скорее защитная цель принципа *nemo tenetur*

²⁵ J.V. против Швейцарии (жалоба № 31827/96). Постановление Европейского Суда по правам человека от 03.05.2001 г.: URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59449>.

²⁶ CASE OF CHAMBAZ AGAINST SWITZERLAND, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-110240>.

может заключаться в обеспечении справедливого судебного разбирательства в более широком смысле. Уголовное судопроизводство является справедливым и законным, когда существует надлежащий баланс между обвинением и защитой. Запрет на свидетельское против самого себя является частью этого баланса и защищает, среди прочего, от возможных нападков со стороны властных следственных органов. Принцип *nemo tenetur* тесно связан с другими процессуальными гарантиями, например, презумпцией невиновности. Однако запрет на свидетельское против самого себя является не просто частью существующих основных прав, а независимым основным процессуальным правом.

Безусловно, следует стремиться к сбалансированному и справедливому уголовному процессу независимо от характеристик обвиняемого. Запрет на свидетельское против самого себя полностью применим к юридическим лицам как их конституционное право. Исходя из сказанного, непросто понять, почему общественный интерес к соблюдению процессуальных прав юридических лиц должен увеличивать эффективность уголовного преследования, тем более что существует и публичный интерес в законности уголовного судопроизводства.

Интеллектуальное происхождение не заключалось в осознании того, что обвиняемый является лицом, которое особенно заслуживает защиты и поэтому должно быть наделено процессуальными правами. Скорее, было признано, что властный орган уголовного преследования склонен к злоупотреблениям. Гарантированные обвиняемым права не были самоцелью, а в первую очередь служили реализации реформированного уголовного процесса, который требовал баланса между защитой и обвинением. Осознание того, что уголовное судопроизводство, в котором обвиняемый находится под давлением государственной власти из-за отсутствия эффективной защиты, не может быть законным, оно было ясно сформулировано с самого начала.

Это понимание остается в силе и сегодня: уголовно-процессуальный закон по-прежнему основан на идее реформированного уголовного процесса, который работает через взаимодействие защиты, обвинения и судьи. Даже сегодня необходимо стремиться к сбалансированному уголовно-процессуальному законодательству, чтобы защитить обвиняемого от довлеющей власти стороны обвинения. Следует признать, что запрет на самообвинение является лишь частью этого компенсационного механизма и поэтому не может рассматриваться изолированно. Остальные права обвиняемого, в частности, презумпция невиновности, которая квазисимбиотическим образом дополняет запрет на самообвинение, также служат уравниванию этого процесса. Этот подход не лишает органов расследования компетенции в признании недопустимым любое вмешательство в права обвиняемого. В распоряжении правоохранительных органов имеется целый комплекс принудительных мер, без которых эффективное уголовное преследование, вероятно, было бы иллюзорным. Однако обвиняемый должен починиться правоохранительным органам только в том случае, если соблюдены требования для принятия конкретной меры. Решающим для законной процедуры является то, что обвиняемый не находится во власти властного органа благодаря эффективным вариантам защиты.

Учитывая уголовно-процессуальное положение статьи 441 УПК РА, в силу того, что уголовно-процессуальное положение статьи 441 УПК РА содержит следующее: «В ходе производства по уголовному делу юридическое лицо наделяется правами обвиняемого, предусмотренными статьей 43 настоящего Кодекса, и несет обязанности, предусмотренные этой же статьей, в той мере, в какой они могут быть возложены на юридическое лицо»²⁷, можно прийти к выводу, что

²⁷ Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения от 27 июля 2021 года №3Р-306 // URL: <https://www.arlis>.

юридическое лицо в силу приобретения процессуальных гарантий наделяется привилегией от самообвинения, что свидетельствует о правовой зрелости армянского процессуального законодательства. С одной стороны, законодатель устанавливает размытый предел применения таких прав, т.к. использование такого определения, как «в той мере, в какой» совсем ясно определяет применение пределов таких прав обвиняемым²⁸.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы реализации одного из важнейших принципов уголовно-процессуального права – принципа запрета на самообвинение посредством реализации права на молчание. Актуальность темы обусловлена реформированием уголовно-процессуального законодательства различных стран, включая Республику Армения, предусматривающего особый порядок производства по уголовным делам в отношении юридических лиц в силу преобразования уголовно-процессуальных правоотношений.

В статье нами выясняются некоторые правовые вопросы о праве на молчание юридического лица, выступающего в качестве или имеющего статус обвиняемого, и проводится сравнительно-правовой анализ законодательства и судебной практики зарубежных стран.

Անվտիպագիր: Հոդվածում քննարկվում են քրեադատավարական իրավունքի կարևորագույն սկզբունքներից մեկի՝ լռության իրավունքի իրագործման միջոցով ինքնամեղադրանքի արգելման սկզբունքի իրականացման տեսական և գործնական խնդիրները: Թեմայի արդիականությունը պայմանավորված է տարբեր երկրների, այդ թվում՝ Հայաստանի Հանրապետության քրեադատավարական օրենսդրության բարեփոխմամբ, որը նախատեսում է քրեական գործերի առանձնահատուկ դատավարական ընթացակարգ իրավաբանական անձանց նկատմամբ՝ պայմանավորված քրեադատավարական իրավահարաբերությունների վերակազմակերպմամբ:

Հեղինակը պարզաբանում է իրավաբանական անձի՝ որպես մեղադրյալի լռության իրավունքի վերաբերյալ որոշ իրավական հարցեր, իրականացնում է օտարերկրյա պետությունների տարբեր օրենսդրությունների և դատական պրակտիկայի համեմատական իրավավերլուծություն:

Abstract. The article discusses theoretical and practical problems of implementing one of the most important principles of criminal procedural law - the principle of the prohibition of self-incrimination through the implementation of the right to silence. The relevance of the topic is due to the reform of the criminal procedural legislation of various countries, including the Republic of Armenia, which provides for a special procedure for criminal proceedings against legal entities due to the reorganization of criminal procedural legal relations.

The author clarifies some legal issues about the right to silence of a legal entity as an accused, and conducts a comparative legal analysis of various legislations and judicial practice of foreign countries.

Ключевые слова: юридическое лицо, иммунитет, право на молчание, защита от самообвинения, уголовно-процессуальные правоотношения, субъект ответственности.

Բանալի բառեր - իրավաբանական անձ, անձեռնմխելիություն, լռության իրավունք, ինքնամեղադրանքից արգելություն, քրեադատավարական իրավահարաբերություններ, պարասխանադրության սուբյեկտ:

Keywords: legal entity, immunity, right to silence, privilege from self-accusation, criminal procedural legal relations, subject of responsibility.

am/documentview.aspx?docid=154763

²⁸ Более подробно см. Баяндурян Ованес А. Свидетельский иммунитет и пределы его применения в отношении юридических лиц // Регион и мир. 2023. №3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svidetelskiy-immunitet-i-predely-ego-primeneniya-v-otnoshenii-yuridicheskikh-lits> (дата обращения: 14.02.2024).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банденун против Франции (Bendenoun v. France): Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1994 г. (жалоба № 12547/86).
2. Быков против Российской Федерации: решение ЕСПЧ от 10 марта 2009 г./, Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 6. – С. 109-146.
3. Европейский суд общей юрисдикции (EGC), решение от 14.05.1998 - T-347/94. Mayr-Melnhof / Kommission.
4. Конституционный суд ФРГ, решение № 2 BvR 820/74 от 26 февраля 1975 г.,
5. Конституционный суд ФРГ, решение № 95, 220, 241f.
6. Конституционный суд ФРГ, решение №1 BvR 2172/96 от 26 февраля 1997 г.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека «Джон Мюррей (John Murray) против Соединенного Королевства», жалоба № 18731/91, решение от 8 февраля 1996 г.
8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 года (жалоба № 19187/91), Саундерс против Соединенного Королевства (Saunders v. the United Kingdom).
9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 февраля 1993 года (жалоба № 10828/84), Функе против Франции (Funke v. France).
10. Постановление Европейского Суда по правам человека J.B. против Швейцарии (жалоба № 31827/96).
11. Постановление федерального налогового суда Германии (Bundesfinanzhof) от 11 августа 1999 г. XI R 77/99, BStBl.
12. Решение Европейского суда общей юрисдикции (EGC), постановление от 20.04.1999 (Limburgse Vinyl Maatschappij NV).
13. Решение Европейского суда от 18 октября 1989 г. (Orkem v Commission of the European Communities) Дело 374/87 [1989] ECR 3343.
14. Энгель и другие против Нидерландов (Engel and Others v. the Netherlands): Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июня 1976 года (жалоба N 5100/71).
15. CASE OF CHAMBAZ AGAINST SWITZERLAND.
16. CASE OF PAYKAR YEV HAGHTANAK LTD v. ARMENIA (Application no. 21638/03).
17. Judgment of the Court of 21 September 1989. Hoechst AG v Commission of the European Communities. Joined cases 46/87 and 227/88.
18. Van den Muijsenbergh W./Rezai S. (2012), Corporations and the European Convention on Human Rights, Global Business & Development Law Journal, т. 25, стр. 48, на сайте <http://digitalcommons.mcgeorge.edu> (на англ. языке, дата посещения 1 мая 2023 г.).
19. Zeitschrift für Wirtschafts- und Steuerstrafrecht (wistra) 2003, Seite 121: «Das Schweigerecht der juristischen Person als Nebenbeteiligte im Strafverfahren».
20. Der nemo tenetur-Grundsatz – prozessuale Fundierung und Geltung für juristische Personen C. Dannecker ,ZStW 127 (2015), S. 370-409.
21. Баяндурян Ованес А. Свидетельский иммунитет и пределы его применения в отношении юридических лиц // Регион и мир. 2023. №3 (46).

Баяндурян О. – член палаты адвокатов РА, аспирант кафедры уголовного права и уголовнопроцессуального права Института права и политики РАУ, эл.почта: hovhannes.bayanduryan@mail.ru.

Статья представлена в редакцию 12.02.2024 г., отправлена на рецензию 12.02.2024 г., рецензент: судья Уголовной палаты Кассационного суда РА, д.ю.н., профессор; профессор Российско-Армянского университета С. Аветисян. Принята к публикации: 15.04.2024 г..